

ДЭН УЭЛЛС

ДЭН УЭЛЛС

ПАРТИАЛЫ

**АСТ
Москва**

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
У98

Dan Wells
PARTIALS

Печатается с разрешения издательства HarperCollins Children's Books, a division of HarperCollins Publishers и литературного агентства Synopsis L.A.

Уэллс, Дэн.

У98 Партиалы / Дэн Уэллс ; [пер. с англ. Ю. Полещук]. — Москва : АСТ, 2015. — 480 с. — (Партиалы).

ISBN 978-5-17-088754-5

Партиалы — искусственно созданные органические существа, идентичные людям.

Из-за войны с ними человечество оказалось на грани вымирания. В США осталось в живых лишь несколько десятков тысяч человек, которые поселились на Лонг-Айленде.

Партиалы таинственным образом исчезли, однако в любой момент могли вернуться.

16-летняя Кира, врач-интерн, обнаруживает, что выживание — как людей, так и партиалов, — зависит от того, удастся ли объяснить существующую между ними связь, о которой люди забыли, а может, и вовсе не подозревали.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Copyright © 2012 by HarperCollins Publishers
© Ю. Полещук, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2015

ISBN 978-5-17-088754-5

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Новорожденная № 485GA18M умерла 30 июня 2076 года в шесть часов семь минут утра. Малышке было всего три дня. В среднем после эпидемии продолжительность жизни младенца составляла пятьдесят шесть часов.

Детям даже перестали давать имена.

Кира Уокер беспомощно наблюдала, как доктор Скоузен осматривает крохотное тельце. Медсестры — половина из которых и сами беременные — записывали сведения о жизни и смерти малышки, неотличимые друг от друга в халатах и масках. В коридоре горько плакала мать девочки, стекло заглушало ее рыдания. Девушку звали Ариэль Макадамс; ей едва исполнилось восемнадцать. Мама мертвого ребенка.

— Температура при рождении 37,2, — отчеканила медсестра, просматривая показания термометра. В голосе, приглушенном маской, звенел металл. Кира не знала, как ее зовут. Другая медсестра тщательно записывала цифры на желтом листе бумаги. — Через два дня 36,7, — продолжала сестра. — Сегодня в четыре часа утра снова 37,2. В момент смерти — 42 градуса.

Сестры медленно скользили по палате, словно бледно-зеленые тени в царстве мертвых.

— Дайте же мне ее поддержать! — крикнула Ариэль дрожащим голосом. — Я просто хочу поддержать ее...

Сестры не обращали на нее никакого внимания. За неделю это были уже третьи роды и третья смерть, а значит, куда важнее все зафиксировать, чтобы потом, проанализировав данные, спасти если не следующего малыша, то хотя бы того, кто родится за ним. Да пусть даже сотого, тысячного младенца. Лишь бы найти, наконец, способ сделать так, чтобы дети выживали.

— Пульс? — спросила другая сестра.

«Я так больше не могу, — подумала Кира. — Я устранивалась работать в родильное, а не в морг...»

— Пульс? — требовательно повторила сестра Харди, глава родильного отделения.

Кира очнулась от мыслей: следить за пульсом младенца входило в ее обязанности.

— До четырех часов утра пульс был стабильный, затем подскочил со 107 до 133 ударов в минуту. В пять часов утра — 149. В шесть — 154. В шесть часов шесть минут... 72.

Ариэль испустила очередной вопль.

— У меня такие же данные, — подтвердила другая сестра. Харди записала цифры и бросила на Киру грозный взгляд.

— Соберись, — произнесла она жестко. — Не забывай, многие интерны мечтают оказаться на твоём месте.

— Да, мэм, — кивнула Кира.

В центре палаты стоял доктор Скоузен. Передав младенца медсестре, он снял маску. Взгляд у него был такой же мертвый, как ребенок, которого Скоузен только что держал в руках:

— Пожалуй, на этом пока что всё. Едва ли нам удастся сейчас узнать больше. Уберите здесь и подготовьте полный анализ крови.

Доктор вышел из палаты. Сестры, окружавшие Киру, продолжали хлопотать: одевали малыша для похорон, отмывали оборудование, вытирали кровь. Забытая всеми мать плакала в одиночестве: Ариэль забеременела в результате искусственного оплодотворения, и утешить ее было некому — не было рядом с ней ни любимого парня, ни мужа. Кира послушно собирала записи для анализа и хранения, то и дело поглядывая на всхлипывающую за стеклом девушку.

— Не отвлекайся, — бросила сестра Харди и стянула маску. Волосы у нее прилипли ко лбу от пота. Кира молча смотрела на нее. Сестра Харди взглянула на Киру, вопросительно приподняв бровь:

— О чем говорит скачок температуры?

— О предельной концентрации вируса, — не задумываясь, ответила Кира. — Он размножился, поразил органы дыхания, и сердце, стараясь компенсировать нехватку кислорода, стало биться чаще.

Харди кивнула, и Кира впервые заметила, что глаза у сестры красные от усталости.

— Рано или поздно ученые построят модель заболевания на основе этих данных, а потом синтезируют средство от вируса. И единственное, чем мы можем им помочь... — Сестра замолчала, ожидая, пока Кира ответит.

— ...как можно внимательнее следить за развитием болезни у каждого ребенка и учиться на собственных ошибках.

— От сведений, которые ты держишь в руках, зависит, удастся ли найти лекарство, — Харди кивнула на Кирины бумаги. — И если мы забудем записать какие-то данные, получается, что смерть этого младенца была бессмысленной и бесполезной.

Кира снова кивнула и неловко расправила документы в картонной папке.

Старшая сестра отвернулась; Кира дотронулась до ее плеча и проговорила, не отваживаясь встретиться с ней взглядом:

— Простите, мэм, но раз уж доктор завершил осмотр, быть может, вы дадите Ариэль ребенка? Хотя бы на минутку?

Сестра Харди вздохнула, и на ее угрюмом, профессионально-невозмутимом лице проступила усталость.

— Послушай, Кира, — проговорила Харди. — Я знаю, что ты быстро прошла курс обучения. Вне всякого сомнения, у тебя способности к вирусологии и РМ-анализу. Но одних навыков недостаточно. Ты должна быть психологически готова к работе в родильном отделении, иначе моментально сторишь. Ты здесь всего три недели, и для тебя это десятая смерть. А для меня — девятьсот восемьдесят вторая, — Харди умолкла. Пауза тянулась дольше, чем ожидала Кира. — Научись смиряться и жить дальше.

Кира покосилась на Ариэль, которая с плачем колотилась в стекло.

— Я понимаю, вам довелось повидать немало смертей, — Кира сглотнула комок в горле, — но для Ариэль это первый ребенок.

Сестра Харди впиалась в Киру глазами. Взгляд ее затуманился. Наконец она обратилась к молодой медсестре, которая держала тело младенца:

— Сэнди, разверни ребенка. Мать хочет взять его на руки.

Спустя час Кира закончила заполнять документы, и как раз вовремя: пора было идти на заседание Сената. Внизу, в вестибюле клиники, ее встретил Маркус,

поцеловал, и Кира слабо улыбнулась, пытаясь отогнать усталость после долгой ночной смены. Маркус улынулся в ответ. С ним жизнь всегда становилась легче.

Они вышли из больницы, и Кира зажмурилась: глазам стало больно от яркого дневного света. Клиника возвышалась в центре города последним оплотом технологий, словно космический корабль посреди разрушенных зданий и заросших улиц. Разумеется, основные завалы разобрали, но тут и там по-прежнему виднелись следы эпидемии, даже спустя одиннадцать лет после катастрофы: брошенные машины были превращены в ларьки для торговли овощами и рыбой, а на лужайках перед домами разбили сады и огородили загоны для кур. От совершеннейшей из цивилизаций — прежней, до эпидемии, — остались лишь руины; нынешняя же мало чем отличалась от каменного века. Солнечные батареи, снабжавшие энергией клинику, были роскошью, о которой значительная часть Ист-Мидоу могла только мечтать.

Кира пнула камешек:

— Сил моих больше нет!

— Возьмем рикшу? — предложил Маркус. — Хотя идти недалеко.

— Да я не об этом, — пояснила Кира. — Я про больницу и детей. Про всю мою жизнь. — Она вспомнила красные от усталости глаза медсестер. — Знаешь, сколько на моих глазах умерло детей? — тихо спросила она. — Прямо при мне?

Маркус взял ее за руку:

— Ты ни в чем не виновата.

— Да какая разница, кто виноват? — возразила Кира. — Они все равно умерли.

— Ты же знаешь, с самого начала эпидемии не удалось спасти ни одного младенца, — заметил Маркус. —

Ни единого. Ты работаешь в клинике всего три недели. Нет смысла винить себя в том, что ученые и доктора не могут исправить уже долгие годы.

Кира остановилась и уставилась на Маркуса: он что, шутит?

— Ты пытаешься меня утешить? — уточнила она. — Неужели ты думаешь, мне станет легче оттого, что младенцев нельзя спасти? Бред!

— Ты же прекрасно знаешь, я не это имел в виду, — поправился Маркус. — Я лишь говорю, что это не твоя вина. Всех этих детей убил РМ-вирус, а не Кира Уокер.

Кира посмотрела на расширяющуюся впереди дорогу.

— Можно, конечно, и так сказать.

По мере приближения к стадиону толпа увеличилась. Такого наплыва людей не было уже несколько месяцев, с того раза, когда Сенат принял последнюю поправку к Закону надежды и опустил возрастной порог для беременности до восемнадцати лет. Киру внезапно охватило недоброе предчувствие; она поморщилась.

— Как думаешь, зачем нас сегодня собрали?

— Позанудствовать. Что ты, Сенат не знаешь? Давай сядем где-нибудь у дверей, чтобы сбежать, когда Кесслер начнет толкать речь.

— Думаешь, очередная чушь? — спросила Кира.

— Причем пафосная, — ответил Маркус. — Чего еще от них ждать. — Он улыбнулся, но, заметив серьезный настрой Киры, тут же нахмурился. — Наверно, хотят поговорить про Голос. Сегодня утром у нас в лаборатории болтали, что недавно повстанцы напали на очередную ферму.

Кира опустила взгляд, чтобы не встретиться с Маркусом глазами:

— А если Сенат решил еще больше опустить возрастной порог для беременности?

— Так быстро? — удивился Маркус. — Еще и девяти месяцев не прошло. Едва ли возраст снова сократят: те, кому восемнадцать, даже привыкнуть не успели.

— Еще как сократят, — возразила Кира, не поднимая глаз. — Для сенаторов Закон надежды — единственный способ решения проблемы, ничего другого они предложить не могут. Они считают, что при увеличении количества рождающихся детей один из них обязательно окажется невосприимчив к вирусу. Но все без толку, за одиннадцать лет никакого результата, и оттого, что у нас будет кучка беременных девушек-подростков, ничего не изменится, — Кира выпустила руку Маркуса. — В больнице у нас то же самое: над роженицами трясутся, кругом все стерильно, всё тщательно записывают, а дети умирают. Мы досконально изучили, как именно они умирают, настолько, что меня тошнит при одной лишь мысли об этом, но так и не придумали, как их спасти. Очередные девушки беременеют, и все, что мы получаем в итоге, — мертвые младенцы и подробнейшая статистика того, как именно умирали дети. — Лицо Киры покраснело, на глазах показались слезы. Прохожие оглядывались на нее. В толпе было много беременных, и некоторые наверняка слышали ее слова. Кира сглотнула и крепко обхватила себя руками от смущения и досады.

Маркус шагнул к ней и положил руку на плечо.

— Ты права, — прошептал он. — Ты совершенно права.

Кира прильнула к нему.

— Спасибо.

— Кира! — окликнул кто-то. Она подняла голову и вытерла глаза тыльной стороной ладони. Сквозь толпу пробиралась Мэдисон, весело махая Кире рукой. Кира улыbnулась. Мэдисон была старше ее года на два, но они вместе выросли, почти как сестры, во временной семье после эпидемии. Кира помахала в ответ.

— Мэдс!

Мэдисон подошла и радостно обняла Киру. За Мэдисон шел Хару, ее муж; свадьба была недавно, и Кира его толком не знала. Когда Мэдисон познакомилась с Хару, он служил в Сети обороны, а на гражданскую службу перешел всего несколько месяцев назад, после свадьбы. Хару пожал руку Кире и сдержанно кивнул Маркусу. Кира в который раз удивилась, как Мэдисон могла влюбиться в такого буку. Впрочем, по сравнению с Маркусом все казались буками.

— Рад вас видеть, ребята, — сказал Хару.

— Ты меня видишь? — Маркус с деланным ужасом ощупал себя. — Значит, эликсир уже не действует! Чтобы я еще хоть раз отдал свой завтрак говорящей белке? Да ни за что на свете!

Мэдисон рассмеялась, а Хару озадаченно приподнял бровь. Кира молча наблюдала за ним, но серьезность Хару была до того уморительной, что девушка не выдержала и расхохоталась.

— Ну, как дела? — поинтересовалась Мэдисон.

— Потихоньку, — ответила Кира. — Пытаемся выжить.

Мэдисон нахмурилась:

— Тяжелое дежурство?

— Ариэль родила.

Мэдисон побледнела и печально опустила глаза. Кира видела, что ей больно слышать об этом: ведь Мэдисон самой уже исполнилось восемнадцать. Она еще не забеременела, но за этим дело не станет.

— Бедненькая. Давай сходим к ней после собрания. Надо ее как-то поддержать.

— Сходи, конечно, — кивнула Кира, — только без меня, у нас сегодня очередная вылазка.

— Но ты же всю ночь дежурила! — возмутился Маркус. — Какое они имеют право отправлять тебя на вылазку?

— Успею подремать перед уходом, — ответила Кира. — Но пойти все-таки надо. Работа достала, сил нет, так что сменить обстановку не помешает. Ну и надо доказать Скоузену, что я справлюсь. Раз уж Сети обороны непременно нужен на вылазке медик, то я буду лучшим врачом, которого они когда-либо видели.

— Им с тобой повезло, — Мэдисон снова обняла подругу. — А Джейден едет?

Кира кивнула:

— Он же сержант. Он за главного.

Мэдисон просияла:

— Обними его за меня.

Джейден был братом Мэдисон — настоящим, не сводным. Кроме них, кровных родственников в мире не осталось. Некоторые утверждали, что Джейден и Мэдисон — прямое доказательство передачи иммунитета к РМ-вирусу по наследству. Тем печальнее, что ни у одного из новорожденных его не было. Кира же полагала, что Джейден и Мэдисон — скорее исключение из правил, аномалия, которая может никогда не повториться.

Кира частенько говорила Мэдисон, что Джейден — один из самых красивых парней на планете. Так что она уточнила, бросив озорной взгляд на Маркуса: